

Глава 21: Его жизнь дана господином Цзи

—
Вечером в кабинете Цзи Юйчжоу быстро заметил, что Цзян Сюньюй ведет себя необычно.

Когда он объяснял ему задачи, все было нормально, но как только он давал ему самостоятельно решать задачи, малыш постоянно отвлекался, и его ручка долгое время оставалась неподвижной.

Цзи Юйчжоу тихонько постучал пальцем по столу: «Сосредоточься».

Цзян Сюньюй резко вздрогнул, поспешно извинился и начал писать, но, написав всего пару иероглифов, снова остановился.

Выражение его лица было смущенным, явно показывая, что у него что-то на уме.

После нескольких таких повторений Цзи Юйчжоу просто закрыл оптический компьютер: «Сюньюй».

Цзян Сюньюй вздрогнул, резко поднял голову, посмотрел на Цзи Юйчжоу, а затем робко опустил голову, извиняясь: «Про... простите... я снова отвлекся».

«У тебя что-то на уме?»

Цзян Сюньюй подсознательно покачал головой, но через мгновение, колеблясь, поднял глаза на Цзи Юйчжоу: «Господин Цзи...»

Действительно, у него что-то было на уме.

Цзи Юйчжоу нахмурился: «Говори».

Цзян Сюньюй действительно не знал, как сказать Цзи Юйчжоу, но и тянуть было невозможно. Он стиснул зубы: «В школе будет родительское собрание, я, я...»

Цзян Сюньюй долго повторял «я, я» и не сказал следующих слов, но Цзи Юйчжоу легко догадался, что он имел в виду.

Ребенок боялся, что он не захочет идти.

Он тихонько рассмеялся, нарочно сказав: «Что? Не хочешь, чтобы я пошел?»

«Нет!» Цзян Сюньюй поспешно покачал головой. Осознав позже глубокий смысл слов Цзи Юйчжоу, он широко раскрыл глаза, глядя на него. В его голубых глазах было полное удивление: «Вы, вы пойдете?»

«Ты хочешь, чтобы я пошел?»

Цзян Сюньюй совершенно не мог лгать, его голос был тихим и немного дрожащим: «Хочу...»

«Тогда пойду». Тон Цзи Юйчжоу был само собой разумеющимся: «Хотя ты сейчас совершеннолетний, до твоего выпуска я по-прежнему твой опекун, и это защищено законом».

«Но...» Цзян Сюньюй все еще колебался: «Это не повлияет на вас?»

«Чего ты боишься?» Цзи Юйчжоу опустил глаза, его тон был равнодушным, но в нем невольно проглядывала легкая властность: «Они не посмеют ничего сказать».

Даже если кто-то захочет что-то сказать, способности и средства Цзи Юйчжоу были достаточными, чтобы задушить любые слухи в зародыше.

В отличие от беспокойства Цзян Сюньюя, в сердце Цзи Юйчжоу промелькнула жалость.

У ребенка не было ни отца, ни матери. Если приглядеться, только он сам был его наполовину «родственником» по случаю. Даже такие обычные вещи, как родительское собрание, нужно было осторожно спрашивать и обдумывать.

Более того, цель этого «родственника» тоже не была чистой, изначально он тоже хотел использовать его.

Однако Цзян Сюньюй не выразил ни малейшей обиды. Услышав, что Цзи Юйчжоу согласен, его глаза загорелись. Голубые глаза мерцали, словно в них уместилась вся звездная река.

Но он все равно должен был переспросить: «Правда пойдете?»

«Да», — ответ Цзи Юйчжоу был утвердительным.

—

В тот вечер Цзян Сюньюй вернулся из кабинета, и Цзи Юйчжоу тоже вернулся в свою спальню. Независимо от первоначальной цели, Цзи Юйчжоу постепенно привыкал к присутствию ребенка рядом.

Обычно он не возвращался рано, и часто ездил в командировки. Но каждый раз, когда он возвращался домой, свет в доме горел, давая ему понять, что кто-то его ждет.

Цзи Юйчжоу чувствовал, что он действительно не сможет отправить Цзян Сюньюя к пиратам.

Он боялся, что с ребенком случится несчастье, и боялся, что ребенок возненавидит его.

«Забудь об этом, — беспомощно подумал Цзи Юйчжоу, — просто считай это случайной благотворительностью, а также способом отблагодарить отца Цзян Сюньюя за спасение его жизни».

Разобравшись с делом, которое постоянно висело в его голове, Цзи Юйчжоу заметно расслабился. Редко собираясь лечь пораньше, его коммуникатор вдруг зазвонил, сигнализируя о запросе на разговор от некоего гвардейца.

Цзи Юйчжоу немного удивился и согласился на запрос. Из трубки послышался голос гвардейца: «Адмирал Цзи... Я хотел бы попросить отпуск».

«Мм? Что-то случилось?» Цзи Юйчжоу хорошо знал характеры и привычки каждого своего подчиненного. Этот гвардеец обычно усердно работал и редко брал отпуск даже в праздники.

В голосе гвардейца прозвучала некоторая неловкость: «На две недели. Моя дочь в этом году пошла в школу. Я постоянно на службе, мне трудно даже увидеться с ней, не говоря уже о помощи с уроками. Это ее первый экзамен, я хотел бы провести время с ней дома».

Только тогда Цзи Юйчжоу вспомнил, что и у Цзян Сюньюя скоро экзамены.

Как опекун, он, кажется, был очень похож на этого гвардейца.

Не занимался, не расспрашивал, действительно немного безответственно.

Цзи Юйчжоу спросил: «Как ты собираешься провести с ней время?»

«Ну... хотя бы сказать лично, что желаю ей удачи на экзаменах».

«Понятно».

Цзи Юйчжоу одобрил отпуск гвардейца, задумавшись. Он открыл календарь на оптическом компьютере и поставил отметку на одном из дней через две недели.

—

Время летело быстро. Цзян Сюньюй каждый вечер приходил в кабинет Цзи Юйчжоу, и так прошло две недели.

Цзи Юйчжоу обычно уезжал в легион гораздо раньше, чем Цзян Сюньюй вставал, и к моменту пробуждения Цзян Сюньюя он уже сидел в своем кабинете. Но в этот день Цзи Юйчжоу специально немного задержался, сидя на диване, дожидаясь Цзян Сюньюя.

Цзян Сюньюй вышел из спальни, протирая глаза. Увидев Цзи Юйчжоу внизу, он подумал, что ему померещилось: «Господин, господин Цзи? У вас сегодня выходной?»

«Скоро ухожу».

Цзи Юйчжоу уже переоделся в белую военную форму, звездный знак на его фуражке блестел, а ботинки были начищены до блеска.

Он подошел к Цзян Сюньюю, протянул руку и похлопал его по плечу: «Удачи на экзамене».

Цзи Юйчжоу долгое время не стоял лицом к лицу с Цзян Сюньюем, в основном они сидели. Только сейчас он заметил, что малыш, кажется, немного вырос. Раньше его макушка доставала ему до кончика носа, а теперь она уже на уровне его глаз.

Вспоминая, когда он впервые увидел Цзян Сюньюя, ребенка, который был таким робким и совсем не смел смотреть на людей, Цзи Юйчжоу не мог не испытать чувств.

Однако у него были дела, и он не мог долго оставаться дома. Пожелав Цзян Сюньюю удачи на экзамене, он поспешно попрощался и отправился в штаб легиона.

Цзян Сюньюй остался один, и только когда дверь заперлась, он понял, что только что произошло.

Сегодня действительно был день его экзаменов.

Так значит... господин Цзи специально дождался, пока он встанет, перед тем как уйти, просто чтобы лично пожелать ему удачи на экзаменах?

В сердце Цзян Сюньюя стало кисло.

Он был одинок столько лет, пережил столько страданий, выдержал столько злобы, но ни разу у него не было такого сильного желания заплакать, как в этот момент.

Господин Цзи был слишком хорош. Он не обращал внимания на его необычную внешность, давал ему заботу и поддержку, вытащил его из болота бездны... Встретив господина Цзи, он больше ничего не желал.

Он был интровертом по натуре, но обладал интуицией и чувствительностью, схожей с животными. С самого начала он смутно чувствовал, что господин Цзи что-то скрывает от него.

С его связями и средствами, даже если бы его отец действительно спас господина Цзи, просто устроить его в надежное благотворительное учреждение уже было бы проявлением полного милосердия, и совершенно не было необходимости специально брать его к себе.

Но ему было все равно. Даже если бы сейчас ему пришлось умереть за господина Цзи, он бы ни минуты не колебался.

Его жизнь была дана господином Цзи.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131896>